

Михаил МАЛЮТИН

«Новая» элита в новой России

«О, Боже мой! Кто будет нами править? О, горе нам!»

А. Пушкин. «Комедия о настоящей беде Московскому царству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве».

«Радуйтесь, звери, вы одержали великую победу!»

Дж. Оруэлл. «Ферма животных».

«Политбюро ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Советское правительство с глубоким прискорбием сообщают, что на 74 году жизни после продолжительной и тяжелой болезни скончались КПСС, СССР и советская власть, и выражают свои искренние соболезнования друзьям и родственникам покойных, если они вздумают претендовать на их наследие в смысле правопреемственности».

В. Милитарев — в разговоре с автором этой статьи.

События 19—21 августа 1991 г. подвели итог первому циклу возрождения политики в российском обществе как феномена, более или менее независимого от государства, оказавшегося ныне по уровню деструкции в состоянии, сопоставимом только с крахом империи в 1917 году. Но начать анализ хотелось бы с упоминания разговора, состоявшегося за год до этого.

Летом 1990 г. один мой старый знакомый спросил: «А помните, как в 1989 г. вы говорили в своем выступлении в ЦЭМИ, что Ельцин — последняя надежда номенклатуры сохраниться как правящее сословие в посттоталитарном обществе? Вы и сейчас так думаете?» «Конечно,— ответил я,— я часто уточняю свои оценки, но очень редко их меняю по существу». Другое высказывание, очень много давшее мне для понимания новых управленческих структур, прозвучало на одной из пресс-конференций Станке-

---

Малютин М. В. — кандидат философских наук, директор Общественного центра Моссовета. Специалист в области практической политологии.

вича. Журналист задал ему риторический вопрос: «Так есть хоть какая-то власть в Москве или нет?». «Конечно, нет», — ответил Станкевич. «А что тогда есть?» — продолжал настырный журналист. Последовал ответ: «Есть центры силы... да нет, сил у них нету... есть центры влияния и группы давления, из которых может образоваться новая власть».

То, что существовало в СССР после 1953 г., можно определить как *переходный режим от тоталитаризма к авторитаризму*. Но как бы ни слабел строй, до 1988 г. он не допускал возможности легальной консолидации не только альтернативных элит, но и просто легитимного выражения собственной позиции. Минувшие четыре года были эпохой своего рода «социалистического соревнования», когда, с одной стороны, наиболее активные и сообразительные выходцы из старой номенклатуры первого-второго ранга поступили на «курсы переквалификации» для «политиков» и «бизнесменов», начали работать и жить вопреки старым правилам игры, разрушая остатки существующей управленческой вертикали. С другой — стартовали «не востребованные» контрэлитчики, в номенклатуру никогда не входившие, а иногда и просто маргинальные. Победили в этом соревновании, судя по непосредственным итогам «августовской революции», разумеется, первые. Вторых в лучшем случае пустили на вторые роли (Бурбулис и Шахрай, Станкевич и Румянцев — примеры-максимум). Подготовительная стадия Движения демократических реформ (ДДР) как блока «горбачевцев после Горбачева» из старой элиты, лидеров «новой элиты» из московской и петербургской Демроссии (демократов 1989—1990 гг. рождения) — ныне мэров (и их аппаратов) и «демократов призыва 1991 г.» в лице «Коммунистов за демократию», сложившегося по ходу избирательной кампании 1991 г., интересна нынче только историкам. Август-сентябрь многое прояснил.

Массовый переход местной номенклатуры на сторону Ельцина начался, конечно, не в августе 1991 г., а летом 1990 года. Но тогда речь шла только о верхнем и наиболее бесполезном ее отряде (второсортном аппарате российского, московского или питерского уровней, стоявшего, по меткой фразе Лужкова, на «хозяйственной платформе»). ГКЧП прежде всего не учел, что Ельцин за год председательства (а в особенности — после того, как стал президентом) обрел в сознании значительной части московских и провинциальных аппаратчиков легитимность, а не только популярность. Не потому, что он им нравился, а потому, что Павлов им как прямое начальство активно не нравился (пользы никакой, а вреда — много). Они уже вполне были морально готовы к жизни в условиях «после союзного договора», рассчитывая, что вольности, которых добились от Центра республики, Москва и Питер, будут распространены и на них.

И когда они услышали о «болезни» жутко им надоевшего своими бессилием и маневрами (при которых паны дерутся, а у номенклатурных холопов чубы трещат) союзного императора, то законность власти «восьмибоярщины» была для верхнего и части среднего звена даже союзной номенклатуры весьма сомнительна (за вычетом «Дон-Кихотов» Центра, составивших костяк ГКЧП). Во всяком случае, когда стало ясно, что начать прямо с расправ «путчисты» не решились, а намерены осуществлять какой-то антиконституционный «конституционный переворот», их участь была решена — основная масса номенклатуры признала Ельцина законной властью. Не как рыночника или, упаси Бог, демократа, а как нового Российского Государя.

Тот, однако, не отплатил ей полной взаимностью. Провинциальный управленческий аппарат думал, что приватизацию всей страны будет проводить, судя не столько по последним указам, сколько по реальному соотношению «сил» (точнее — слабостей), именно она — «сильная исполнительная власть» в лице провинциальных Поповых, Лужковых и Собчаков, ко-

торых предстояло избрать в декабре 1991 г. (т.е. будет действовать принцип естественного отбора под контролем назначенных из Москвы «очей государевых»). Однако царь по-царски полное вето на всякую выборность наложил — по совету известных демократов Румянцева, Шахрая, Афанасьева, Сулакшина, которые, как один, твердят, что хороших демократов (т. е.— их) темный народ пока не изберет, а изберет всякую перекрасившуюся номенклатуру. А теперь выборы предложено отложить вообще до декабря 1992 г., т. е. до всеобщей и полной стабилизации, которую проведет непонятно откуда взявшаяся сильная исполнительная власть, осуществив, несмотря на сопротивление популистскому нажиму, непопулярные меры.

Прочитав эти слова в обосновании вето, я сразу уловил знакомую модель, предложенную в качестве правительственной программы ныне политпокойным премьером Павловым (а точнее — Кургиняном, ибо нынешний полит узник додуматься до такого явно не мог). Предыдущий нормализатор был явно обречен по причинам чисто субъективного порядка: он был заведомо непопулярен и представлял умирающую структуру, оказавшуюся неспособной на применение массового насилия, не имеющую ни популярной мифологии, ни лидеров, ни иных ресурсов.

Кургинян считает, что ничего этого и у Ельцина нет и не будет, а его мечты о сильной исполнительной власти — на уровне мечтаний о «чудо-оружии» времен конца тоталитаризма в Германии. Действительно, фактически речь идет о полном конституционном перевороте конституционным путем, когда стандартное соотношение властей опрокидывается. Ранее законы принимал парламент, а президент обладал правом вето. Теперь «проекты законов по вопросам экономической реформы в обязательном порядке должны согласовываться с президентом или вноситься в парламент от его имени», а «президенту (например, на один год) предоставляется право издавать необходимые для осуществления реформы указы, даже если они формально противоречат ранее принятым законам РСФСР». Под «обеспечением верховенства парламента» понимается всего лишь его право на задерживающее вето в течение недели. А «на период между сессиями указанными правами парламента наделяется президиум ВС». Ответ же на вопрос: что делать, если после такой процедуры законопроект президента будет отклонен,— к сожалению, в обращении президента не предусмотрен. Вероятно, президенту необходимо будет обращаться во вновь избранный Конституционный суд (о чем уже и предупредил Шахрай), который примет необходимые решения, сначала — по поводу законов, потом — по поводу тех, кто мешает дарить «за указом указ — кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз».

По существу же можно сказать только следующее: отказаться от права законодательной инициативы на любой срок ни один демократически избранный парламент не имеет права, не покончив в тот же самый день политическим и моральным самоубийством... Лучше уж сразу разойтись или быть разогнанным. Разумеется, в столь критической ситуации парламент обязан ставить в известность президента через его аппарат о проектах своего законодательства, но ведь необходимо и обратное! В результате отсутствия таких консультаций с парламентом ряд принятых указов президента признаются противоправными даже самими его госсответниками.

Ни один парламент в мире не против того, чтобы правительство предлагало проекты законов. Это обычная практика в цивилизованных странах. Но в России другая политическая культура. Исполнительная власть досих пор крайне неактивно пользовалась правом законодательной инициативы, а то, что ею предлагалось, зачастую не выдерживало никакой критики.

Еще в июле 1991 г. принят Закон о приватизации, но где подзаконные акты, которые должно было разработать правительство еще в августе, чтобы он наконец заработал? Почему исполнительная власть считает, что в

лице Верховного Совета она имеет врага или по крайней мере тормоз? Почему вместо нормального взаимодействия она предпочитает провоцировать депутатский корпус, пытаясь принимать решения за спиной представительной власти? Складывается впечатление, что кому-то опять необходимо создать в массовом сознании образ врага взамен скончавшегося Центра и покойной КПСС, чтобы было на кого взвалить ответственность за собственные бездействие и непрофессионализм.

Увы, о предложениях и решениях президента, госсовета, правительства депутатский корпус сплошь и рядом узнает из газет и речей — со всеми вытекающими последствиями. Фактически парламенту опять предлагают поверить на слово президенту и дать ему и всей исполнительной власти чрезвычайные полномочия на продолжение работы методом проб и ошибок. Программ было много за многотрудную и печальную историю «революционной перестройки» как номенклатурной самотрансформации, но все они провалились не только из-за сопротивления сил старого: отсутствовал четкий механизм реализации поставленных целей, позволяющий укреплять и расширять степень социальной поддержки реформ по мере их осуществления. Исполнительная власть имела вполне достаточные полномочия для реализации целого ряда необходимых антикризисных мер.

Каких полномочий не хватало исполнительной власти, чтобы сделать хотя бы один конкретный шаг по выполнению принятых законов? Ельцину фактически предлагают санкционировать очередной эксперимент над Россией, авторы которого сами не очень хорошо представляют себе, что же они затеяли. Единственный смысл всего происходящего — в очередной раз возбудить общественное мнение и на его волне восстановить свою падающую популярность...

Уже принятые законы содержат в себе почти все необходимое для проведения экономической реформы. Например, для либерализации цен дополнительные полномочия не нужны: существует статья 23 Закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности», где сказано, что любое предприятие свободно устанавливает цены на свою продукцию, кроме тех, которые закреплены перечнем Совета Министров. Так зачем же называть ликвидацию этого перечня ученым словом «либерализация»?

Рынка в нашей стране нет не потому, что у правительства не хватает полномочий, а потому, что их слишком много. Вся экономика сейчас формально по-прежнему под контролем правительства. Чтобы способствовать созданию рынка, следовало бы скорее отказаться от части своих полномочий по управлению экономикой: перестать диктовать предприятиям, банкам, местным органам власти. Но это полностью противоречит менталитету новой исполнительной власти, поменявшей идеологему, избавившейся от всяких юридических и моральных ограничений, связанных со службой старому режиму, но не имеющей никакого представления о своих обязанностях.

Отказав провинциальной элите в праве быть с собой, с Поповым и Собчаком на равной ноге — легитимно избранными местными властями, — Ельцин фактически предопределил, что посттоталитарная Россия какое-то время пойдет по дороге, проложенной СССР. Парламентарии и новые партии — противник несерьезный, но что делать с регионализацией страны в условиях объективно происходящего развала старых структур, когда, пытаясь восстановить исполнительную вертикаль, рискуешь потерять остаток социальной базы? Да и на кого же при этом можно политически опереться? Взбешенная Демроссия объявляет ДДР «новой правящей партией». Но, во-первых, она не партия (как, впрочем, и КПСС), а во-вторых, не очень-то и правящая. Говоря точнее, как и ее исторические предшественники в марте 1917 г. она безуспешно пытается занять неожиданно освободившееся место «власти». В ДДР в среднем представлены лю-

ди на уровне не ниже заведующего отделом и заместителя генерального директора.

I

Начальство у нас народ любит очень крепко (в том числе и в его посткоммунистической перекрасившейся ипостаси — ныне сплошь демократов и русских патриотов). Но если это были бы выборы сразу же после 21 августа, выборы одной популярной персоны и практически безальтернативные (при поддержке лично Ельцина и других светил ДДР, всех основных средств массовой информации, при неограниченном финансировании, при таких нормах выдвижения, которые заведомо отсеивают любых потенциальных кандидатов, способных составить конкуренцию), шансы «на пиррову победу» у этого слоя неономенклатуры были бы очень высоки. Референдум о необходимости сохранения СССР, «легитимность всенародного одобрения» мало кого чему-то научили, так что ДДР еще до конца не осознано — не в выборах счастье, а в сильной исполнительной власти! Впрочем, что оно будет делать, если не будет выборов,— просто Ельцина поддерживать? Ельцинт-авторитетен пока, а вот ДДР...

Единственная проблема, по которой шел спор: или трансформировать ДДР немедленно в партию, или пока и движения для победы хватит. Попов как человек, в наибольшей степени пострадавший в Москве от буйного нрава братии-демократии, лишившей его контроля над Моссоветом, с мая 1991 г. упорно настаивал на «партии». Другие лидеры, такие как Яковлев, Собчак и Шеварднадзе, вполне поддерживающие все его действия (в том числе и наиболее одиозные, вроде истории с генералом Комиссаровым или захвата бывшей Академии народного хозяйства под собственный университет), считают партию Попова преждевременной, ибо их конкретным интересам она пока не соответствует. А у нынешнего председателя Научно-промышленного союза Владиславлева своя идея: ДДР — это союз партий, никакого индивидуального и коллективного членства и прочих родимых пятен демроссийского кавардака и духа быть не должно. Можно сделать предварительный вывод, что неономенклатуре движение нужно для прихода в комнаты исполнительной власти путем выборов, но оно становится крайне обременительным потом, когда оказывается, что всех на хлебных местах все равно не разместить, а к занятиям даже контрольными функциями (не говоря уж о законодательных) нынешний депутат в массе малопригоден.

С бывшими «Коммунистами за демократию», ныне Народной партией свободной России, дело обстоит много сложнее (хотя формально в ДДР они вошли). На этом вопросе стоит остановиться особо.

Руцкой — человек очень интересной политической биографии. Та фигура высшего политического пилотажа, которую описал этот ас воздушной войны в Афганистане с момента своего появления на предвыборной арене весной 1989 г., заслуживает наименования «петля Руцкого». Он баллотировался против одного из ближайших соратников Ельцина Логунова, бывшего редактора «Московской правды», известного юриста Савицкого, драматурга Шатрова, поэта Дементьева при поддержке личной гвардии из «афганцев», активной и широкой помощи каких-то военных пропагандистских структур, местного райкома, кое-кого из будущего актива Объединенного фронта трудящихся и «Памяти» (которая вела против Шатрова самую разнузданную антисемитскую травлю). В общем, судя по моим тогдашним личным наблюдениям, это был какой-то черновой набросок группы «Союз», не по персоналиям, а по идейно-организационной концепции. Тогда он прошел во второй тур, но в итоге Логунову проиграл.

Год спустя он избирался в Курске по национально-территориальному округу с программой, в которой демократии и рынка тоже нельзя было разглядеть и под микроскопом (стал бы иначе его поддерживать один из наиболее ортодоксальных обкомов, впоследствии бесновавшийся по поводу «измены»), зато очень четко подавалась идея возрождения России

(уже — не СССР!). Примерно в том же духе было сориентировано и «Отечество» — организация, объединявшая в Москве умеренных патриотов не-антикоммунистической разновидности,— в котором помимо Руцкого одной из наиболее заметных фигур был историк России Кузьмин.

Тем неожиданной для всех стала история с «Коммунистами за демократию» (т. е. за Ельцина) на третьем российском съезде. Судя по всему, Руцкой (или те, кто его двигал все эти годы, ибо, по впечатлениям общавшихся с ним лично людей, он при всем своем честолюбии и энергии обладал твердыми убеждениями, но не самостоятельными ресурсами) пришел к выводу, что не только Горбачев и К⁰, но и Алкснис и К⁰ — плохие русские патриоты, совместными усилиями ведущие великую державу к краху. А Ельцин — не популярный демагог (манипулируемый жидодемократами из «Демроссии», тоже разваливающими державу, но не в первую очередь, ибо их место в номенклатуре было седьмое — интеллектуальной обслуги), а борец за возрождение России на новых, некоммунистических основах. Как боевой офицер и потомственный военный, пиитета к коммунякам и политрабочим он, возможно, отродясь не питал.

Но когда Руцкой начал пытаться строить сначала парламентскую фракцию, а затем и партию антиположковского типа, он сразу столкнулся с крайним кадровым и идейным голодом. Все более или менее способные в этом смысле люди либо вышли из КПСС в составе Демплатформы, либо уже были «разобраны» по каким-то микроплатформам. Пришлось брать готовое, хотя уж очень далекое от «классического Руцкого», — Липицкого с остатками Демплатформы, не вышедшими из КПСС, и группу идеологов либерально-демократического марксистского «посткоммунизма» — Водолазова, Капустина, Пантина. Работа над созданием партии велась ни шатко, ни валко до выбора Ельциным кандидатуры Руцкого вице-президентом.

В свете последовавшей в августе схватки с ГКЧП можно только восхищаться точностью этого кадрового решения. Речь идет не только о личном авторитете среди «афганов», ныне составивших стеновой хребет национальной гвардии из рядов защитников «Белого дома». И для ВДВ, и для ВВС, колебания и переход которых на сторону Ельцина в конечном счете сломали шею бюрократическим имитаторам номенклатурной реставрации, имя Руцкого много значило. Как и для сычевской и Васильевской «Памяти», тоже пришедших на Краснопресненскую набережную (если брать идейный срез темы). Для многих территориальные притязания к другим республикам в устах Попова (в меньшей степени — Собчака, который всегда был «профсоюзен») и Ельцина были шоком — раньше что-то проскальзывающее в этом роде можно было списывать на уступки давлению Горбачева и сил, олицетворяющих «восьмерку». Но для Руцкого именно этот подход всегда был абсолютно органичен.

Стали проясняться и очень интересные дела с «партией». Леволиберально-демократическо-постмарксистская (прошу прощения у читателя за чудовищное слово, но никакого другого для точной характеристики этой тенденции мне в голову не пришло) программа умерла для Руцкого, не успев родиться. Одно дело — постмарксистский камуфляж, дающий основание (своя рука — владыка) после регистрации ДПКР (а КП РСФСР все еще была незарегистрирована!) «потягаться» за собственность по мере реализации указа о департизации на предприятиях и в организациях до 19—21 августа 1991 г., и совсем другое — когда сразу после победы выплыла на поверхность «концепция Рагозина», а не только название Партия свободной России (ПСР). Умный аппаратчик и центрист по взглядам Липицкий, правда, сумел в целом соблюсти баланс, но тенденция очень интересна.

В классической терминологии эту программу можно назвать столыпинской, формула «Вам нужны великие потрясения, а нам — великая Россия», пройдя через горнило коммунизма, теперь может быть зафиксирована так:

«Демократия - сильная исполнительная власть + приватизация всей страны». Профессионалы, ее читавшие, говорят, что эта модель очень похожа на то, что делали, а не только говорили бразильские генералы после свержения президента в 1964 г., а Сухарто — в Индонезии после 30 сентября 1965 года. В общем, мечтавшие о нашем российском Пиночете праволиберальные мыслители и публицисты имеют теперь определенный шанс (ибо Ельцин смертен, да и старая номенклатура, ныне ставшая новым аппаратом,— социальная база, не самая широкая и крепкая) вполне конституционно при определенных раскладах увидеть свою мечту во плоти. Только есть основания подозревать, что наш «совковый» Пиночет будет самым совковым в мире...

Что заставляет отнестись к этому прогнозу всерьез? Не в ближайшей перспективе, конечно, а когда нынешняя «власть» обрушится в ситуации повышения цен и обмена денег, далеко затмевающего павловское по своим последствиям. Национальная гвардия — первоначально из «афганцев», защитников «Белого дома»,— главнокомандующим которой Руцкой уже стал есть единственный возможный легитимный вариант «штурмовиков» в наших условиях. О презрительных высказываниях, причем с вполне определенным этническим контекстом, по поводу московской национальной гвардии во главе с Боксером и Шнейдером мне уже неоднократно приходилось получать информацию. Были уже и прямые действия — по поводу зданий на Старой и Трубной площадях — национальных гвардейцев Руцкого против незаконных, с их точки зрения, распоряжений московской власти (историю с Гамсахурдиа и «его» гвардейцами, вышедшими из-под контроля, думается, еще никто не забыл). К счастью или к несчастью для Отечества, вице-президент своевременно понял, что самозаписавшиеся гвардейцы — вещь ненадежная, и предпочел опереться на дивизию имени Дзержинского. Денег очень много: есть информация, что поддерживающий Руцкого Фонд национального возрождения России имеет на счету десяток миллиардов (ВПК!) и весьма вольно с ними обращается — вроде требования к правительству выделить квоту на экспорт миллионов тонн нефти. Интересно, что при острейшем конфликте Руцкого и российской исполнительной власти в целом с российской товарно-сырьевой биржей (тоже довольно тесно связанной с ВПК на уровне учредителей) его участники тщательно обходят в публичных взаимобвинениях эту довольно элементарную финансовую подоплеку.

Трудно пока с партстроительством. Бывшие «Коммунисты за демократию», ставшие костяком провинциальной ДПКР, право-национально-либеральную партию с харизматическим лидером строить не собирались. На местах — как назло! — коммунистов никто не преследует по причине их полного отсутствия в наличии. Сам же акт «переписывания» из бывшей КП РСФСР в будущую ПСР требует от того, кто этого не сделал до 21 августа 1991 г., определенного самостоятельного политического выбора. Поэтому Руцкой пока не определился в своем отношении к ДДР — потенциально единственному серьезному конкуренту за роль правительственной партии новой номенклатуры. Имен популярных публицистов и солидного органа печати пока нет, идейная физиономия в процессе мутации, да и сам Руцкой — в процессе довольно сложной эволюции, отягощаемой спонтанными действиями.

Вообще ПСР невероятно напоминает сейчас Демократическую партию России (ДПР) полуторагодичной давности: харизматический лидер с деньгами, серый кардинал из аппарата КПСС в роли его ближайшего советника (там — Хацинков из ЦК, здесь — Перфильев из МГК), человек номер два с искусством сглаживать конфликтность и неуживчивость лидера (там — Бурбулис, здесь — Липицкий), куча высоколобых либеральных интеллектуалов и активистов среднего звена из рядов КПСС, ныне осознав-

ших, что их затащили совсем не туда, куда они изначально собирались, но не имеющих ни ресурсов, ни мужества, ни лидера, чтобы резко порвать с проектом, в который столько всего уже вложено... Так что если ДДР — это явно Демроссия-2 «у власти», то ДПКР-ПСР выглядит как явная ДДР-2 «в полуопозиции». Год назад и сегодня первые выиграли, а вторые оказались в роли внутренней оппозиции (оба раза окрашенной патриотически и право-консервативно-центристски внутри западнической и лево-либерально-центристской правительственной коалиции).

Судя по прошедшей в октябре 1991 г. конференции ДПКР, Руцкой играет на повышение. Он прямо сказал, что всем хорош наш Государь-батюшка, да доверчив очень — и загубить этим может Россию-матушку, ибо изменниками себя окружил (кстати, судя по разборкам в ближайшем окружении Ельцина, творится там действительно нечто абсолютно непристойное). Демократия и рынок, конечно, нужны, но для их введения потребны дисциплина и порядок. Вот если послать национальных гвардейцев на свободный рынок, они мигом оттуда вычистят рэкетиров и прочую нечисть, и цены упадут. Бурные аплодисменты провинциального коммуняка, слышавшего что-то родное, андроповское (забытое и поруганное Горбачевым), переходили временами в овацию — тем более, что в области конкретных претензий к сподвижникам вице-президент в основном прав... Октябрьский учредительный съезд показал, что все в основном остались довольны. В руководство избраны и Капустин, и Рагозин, а посередине — Липицкий. В программной речи Руцкого зафиксированы социал-демократические ценности, а в манифесте имеет быть плавный переход от лозунгов профсоюзов (рыночным ценам — рыночную зарплату) к «единой и неделимой» и защите россиян за пределами нынешних границ. Не хотелось бы проводить прямых аналогий...

А что же сам Государь? В кои-то веки харизматический лидер одновременно является и легитимным правителем, демократически избранным населением России. Ясного понимания, чего он хочет, у Ельцина явно нет, зато есть устойчивые ощущения, чего он не хочет. По моему внутреннему ощущению (и по оценке ряда лидеров Демроссии, которые много раз сталкивались с ним на этой почве), он явно близок не им и ДДР, а Травкину и Руцкому, но предпочитает стоять «над» и быть Государем всея Руси. Августовская победа застала его врасплох в том смысле, что планов ее закрепления он явно не имел. Будучи по натуре человеком довольно осторожным — что у него сменяется приступами бешеной энергии и отчаянной смелости, когда ситуация загоняет его в угол, — он предпочел отсидеться в октябре в отпуске «далеко от Москвы» (предоставив сподвижникам решать неразрешимое). Будет ли он искать изменников внутренних, попробует ли сразить врагов внешних или еще что удумает — вопрос темный. Ельцин — человек труднопредсказуемый, но с «комплексом трансформаторной будки», как это называют строители (в случае, когда будку никак невозможно сдать в срок, надо срочно затеять «стройку века»). Ежели коммунизм достроить явно не удастся, придется ударными методами под своим руководством возродить Россию... Какую Россию — Бог ведает. В Совдепии иначе ничего не строилось, за постсовковую Россию — пока не ручаюсь...

Во всяком случае «старой Демроссии», ныне стремительно превращающейся в «охвостье», сражающееся против авторитаризма и неблагодарности вчерашних «кумиров» (если они не хотят откровенно продаваться за должности в аппарате), сегодня не позавидуешь. Выяснилось, что Демократический союз, социалисты, анархи и прочие оппоненты «светильников разума», всегда доказывавшие, что они на самом деле не только не демократы, но и не либералы в массе своей, а просто номенклатура перекрещенная, были правы на все 100%, из чего бы критики при этом ни исходили — из

идейного неприятия, моральной брезгливости или неудачливости «оттертых».

Остается, однако, ключевой российский вопрос: что же теперь делать, с чего при этом начать и чем закончить? «Про это» — в другой раз. Пока ж< мы только и слышим все эти годы все ту же заезженную пластинку от все новых и.о. Власти: НАМ НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ. Правда это или неправ да, но в отношении новой элиты, ее новизны (по части происхождения) и элитности (в смысле профессиональной компетентности и моральных качеств) особых иллюзий, похоже, никто в стране уже не питает... А что будут делать «партии» и «движения», если у них отберут такую игрушку как новые выборы (а заодно отключат от права даже принимать законы без предварительного согласования с начальством),— уму непостижимо. Можно, конечно, сказать, что «караул устал», но если сразу после этого не упрятать недовольных за решетку, как показал опыт 1918 г., такие эксперименты неважно кончаются для организаторов. Правда, основной масс< депутатов может быть предоставлено единственное право — ругать правительство, до поры пользуясь неприкосновенностью. Сегодня они непопулярны и их не слушают, но завтра (в том числе и из их рядов) найдется и некто очень популярный...

Ни «партии» (или скорее — движения) «рабочих», «трудящихся», кото-рая смогла бы хоть что-то отстоять в условиях начавшейся номенклатур ной посткоммунистической приватизации с сильнейшим компрадорски спекулятивным уклоном, ни партии национально и производственно ориентированных предпринимателей среди вышеперечисленного «набора» нет. Структурированы эти слои (квалифицированный работник и цивилизованный предприниматель) и их политическое лобби пока прескверно, но после 21 августа (причем нередко при помощи одних и тех же интеллектуальны) консультантов) стартовали стремительно, понимая, что если еще и выборы мэров удастся устроить в московско-петербургском стиле по всей провинции, то «пир победителей» их просто сметет, а уцелевших превратит в рабов уровня «до 1985» — в хорошем варианте. Но на нет пока и суда нет.

Кто сейчас является реальной преградой для новой элиты? Есть, конечно, мнение, что лучше ее все равно не будет, а трогать ее — значит открывать дорогу фашизму и прочим ужасам. Я такого фатализма не разделяю по соображениям как мировоззренческого, так и морального порядка и готов назвать силы, которые в варианте-максимум могут просто убрать номенклатурных победителей (поставив под контроль поддающихся реморализации и самообучению), а в варианте-минимум дать им укорот и не позволить развалить страну окончательно.

Это (при всех их нынешних грехах, действительных и мнимых):

1. Советы, ибо других органов, готовых для законодательной и конт рольной работы в обозримом будущем, в стране нет! Ныне их явно пытаются ликвидировать или превратить в декорацию. Просто так они не сда дутся, но сами по себе мало на что годятся — массовый авторитет потерян безвозвратно. Это — первая линия обороны, которую рано или поздно сло мают, но которая должна продержаться максимально долго, если мы хоти> демократии в России.

2. Профсоюзы. В условиях «приватизации», проводимой по формулам «кто смел — семерых съел» и «начальство отхватило, а другим не хвати ло», они остаются единственным реальным фактором на микроуровне пред-приятия, способным дать этому процессу укорот. Сейчас с огромным опоз данием они взялись за партию труда или движение «Трудовая Россия» (на уровне ряда крупнейших региональных федераций — московской, петер бургской, казанской).

3. Предприниматели в той их части, которая выступила против ГКЧП и, осмелев, впав в эйфорию, восстала и против произвола августовских по-

бедителей. Они явно начали блокироваться с оппозиционным депутатским корпусом. Не найдя лобби в готовом виде (и особенно приходя в шок от людей, которые искренне считали себя выразителями их интересов), они стали его понемногу формировать. До партии им еще очень далеко, но что-то вроде профсоюза стало понемногу получаться. Наиболее дальновидные понимают, что и с профсоюзами, и с каким-то политическим лобби надо объединяться для того, чтобы против рэкета и спекуляции в государственной форме бороться вместе.

4. Директорский корпус в той его части, которая понимает, что его ждет в случае такой «приватизации», и просто готов нынче выть от бессилия, поскольку исчезли все плюсы «старого порядка» и эпохи его первоначального развала, позволяющие кое-как держаться на плаву, при сохранении всех его минусов и куче новых опасностей, угрожающих полной катастрофой. Если они выбросят на биржи этой зимой остатки ресурсов, чтобы не закрыться, дальше их вместе с коллективами и оборудованием можно брать голыми руками. Они тоже отчаянно ищут какое-то политическое лобби и союзников, но сами открыто выступить боятся: ведь СССР с его правительством уже нет, а о том, что будет взамен, им и помыслить страшно. Если добровольная кооперация производителей по технологическим цепочкам состоится, заводы не встанут. Но это надо обеспечить сначала созданием политического блока, который будет способен, как минимум, впервые за всю историю России не служить власти, а ее контролировать (в удачном варианте — поставить ее на службу себе в конце переходного процесса, который еще и не начался: август 1991 г., как и февраль 1917 г., только создал для этого необходимую, но не достаточную предпосылку, развалив старую власть).

Выборов (если таковые даже и состоятся в некоторой отдаленной временной перспективе отнюдь не по магию президента) всем им вместе и по отдельности явно не выиграть, но в случае возникновения своего рода большой оппозиционной коалиции «выживания и развития», берущей на себя функции будущей двухпартийной системы, состоящей из блока национально ориентированных предпринимателей и неантагонистически противостоящего ему блока социальной защиты, можно добиться региональных успехов и создать позиции, перезимовав на которых, весной и летом 1992 г. можно будет крепко нажать на блок номенклатурщика-авторитариста и спекулянта-компрадора и его посткоммунистической модификации. Кто будет в этой коалиции гегемоном, да и возникнет ли он вообще — предсказать невозможно.

По моему мнению, все необходимое для его создания ныне есть: кадры, ресурсы, идеология — и растущее разочарование в победителях, понимание, что «за что боролись — на то и напоролись». Это чувство (единственное, в чем не обманывается русский человек) особенно ярко проявляется у пятой силы нашего общества — квалифицированной интеллигенции, которая явно тяготеет сегодня к коалиции незамороченных идеологией сил «выживания и прогресса». Сейчас «правящие» пытаются доказать, что альтернативой им являются только хаос и фашизм (или неолевизм на выходе) как еще не самый страшный итог в стране, напичканной средствами массового уничтожения. А то, что своим примитивным номенклатурно-спекулянтским эгоизмом они приближают именно такой конец себе, многие из них вполне искренне не в силах вообразить. Они-то хотят совсем другого (эпопея ГКЧП нас убедила, до какой степени взаимно- и самообмана могут доходить эти гротески номенклатурного менталитета).